

Лана Петровских

ВИСКОЗА

Лана Петровских

Вискоза

«Издательские решения»

Петровских Л.

Вискоза / Л. Петровских — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501277-7

Любовь существует в бесконечности, любовь — это свет Солнца, без которого невозможна Жизнь. Окунитесь в любовный мир приключений, и ваше уставшее сердце отзовется надеждой вновь испытать нежное дыхание приближающейся любви. Эта книга именно для вас! Любовь! Что может быть лучше!

ISBN 978-5-00-501277-7

© Петровских Л.
© Издательские решения

Содержание

I часть «Тайна сказочника»	6
«Соучастник?»	6
«Пропавший»	8
«Исчезнувший снова»	13
«Попутчик»	15
«Знакомство»	17
«Наследство»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Вискоза

Лана Петровских

© Лана Петровских, 2019

ISBN 978-5-0050-1277-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лана Петровских

По образованию и призванию семейный психолог, сценарист.

Автор книг: «Равняется Любовь», «Затеряться в любви», «Пятна Роршаха», «Любимый детектив», "Часов не наблюдают", "Начало", "Гончая", "Высокоблагородие".

Вашему вниманию предлагается лирический детектив
«Вискоза».

...2007 год. Столичные будни неоперившегося милиционера. Он мечтает раскрыть «преступление века», но попадает в нелепые и запутанные истории. Кто он – будущий профессионал или мальчишка с романтическими иллюзиями?

І часть «Тайна сказочника»

«Соучастник?»

Если бы он верил, что исполнение желания зависит от подкинутой монетки, то подобная процедура имела бы смысл. Но только не для него. Потому что этот день, как, впрочем, и следующий не принадлежали ему в той мере, чтобы расходовать их по своему желанию. Неприятным ощущением в голове Семёна ёрзала заученная с детства фраза: «Как Новый год встретишь, так его и проведешь!» Сказочная ночь в границах коммерческого банка сюрпризов не обещала. Охраняя ценные бумаги и энное количество чужих денег, Семён, временный сотрудник, встретит первый рассвет следующего года на рабочем месте.

Старший по возрасту и опыту работы коллега сидел напротив и подпевал «Ретро—FM», вяло приоткрывая рот.

Семён решил подискутировать:

– Снегири, когда замерзают, падают на снег, как в этой песне... «яблоки на снегу, розовое на белом...»

Старший, отмахнувшись, как от назойливой мухи, тему не поддержал.

– В любой песне есть скрытый смысл, – продолжал Семён, – надо уметь читать сквозь стручки, ой, строчки.

– Слушай, стручок, шёл бы ты объект проверить, – беззлобно ответил старшой.

– Не надо к оскорблениям переходить, – тихо протестовал Семен. – Личность является неделимой и нерушимой.

– Союз нерушимый, марш по объекту, а то я тебя сейчас разделю на составляющие!

Семен неохотно встал, обиженно закусил верхнюю губу, прихватив зубами пробивающуюся щетину, и покинул дежурку. Пустые коридоры вторили звуку его неторопливых шагов. Охраняемый объект недвижимости, погруженный в полумрак, мирно спал.

Семен, охваченный внезапным озорством, подскочил, разбежался и высоко прыгнул в конце коридора, где намеренно задел подмигивающую лампу дневного света на потолке. Затем изящно, без заваливания в стороны, повернулся на 360 градусов, даже не предполагая, что, описывая окружность, он в этот момент, в новогоднюю ночь, изменит свою жизнь так же на 360.

Его внимание застряло на портрете – фотография директора банка с партнером. Над головой Власова преломленный свет от лампы нарисовал на стекле подобие нимба. Семен по-военному вытянулся в струнку, убрал с лица дурашливую улыбку, готовую вылезти обратно, и отдал честь солидной парочке на портрете. Но, поддавшись клоунскому порыву рассмешить тишину, сильно ткнул указательным пальцем в физиономию директора банка. И, довольный собой, повернулся к выходу. Пройдя несколько шагов, Семён машинально обернулся и опрометью вернулся к портрету на стене.

«Так и есть». На фотографии посередине лица директора банка выделялось синее жирное пятно с папиллярными линиями пальца охранника Семёна. Посмотрев на покрасневший от стыда и ужаса палец, Сеня нервно задрожал. Испачканная в чернилах верхняя фаланга самопроизвольно, причудливым образом поманила тревожным жестом.

«А ну иди сюда, сопливое ничтожество – Семен Андреевич Вискоза! Это ты покушался на личность господина Власова? Четверговать и уволить с волчьим билетом!»

Тело Семена сотрясалось пульсирующей дрожью. «Я случайно, я нечаянно» – заикаясь, пролепетал он. «За нечаянно бьют намеренно!» – собственный палец словно воплотился в зловещего начальника охраны и давил сверху, опуская на корточки.

Семён, воровато озираясь, поплевал на стекло в рамке, обернул кулак платком и усиленно заскрипел, пытаясь удалить чернильный отпечаток. Мускульные старания правой руки истощались, а пугающее пятно, как дупло, не исчезало.

Наутро начальник охраны банка, вытирая вспотевший от напряжения лоб, осторожно прикрыл массивную дверь руководящего кабинета. «Обошлось», – подумал он, глотая воздух свободы. Ежедневно в десять ноль-ноль он «докладывался» Власову. Доклад главного охранника обычно звучал повторяющимся монологом, где основным мотивом звучала необъятная благодарность за оказанное доверие, и что сотрудники готовы продолжать служить верой и правдой. Власов вскидывал брови, что означало: «Значит, всё в порядке?». И, получив заискивающий кивок, терял интерес к массивной фигуре говорившего.

– Обошлось, – вновь повторил начальник охраны, когда его взгляд зацепил фотографию на стене коридора.

Прохладный вдох комом застрял в гортани. На лице неприкасаемого Власова сине-грязным позором выделялось пятно. «ЧП» – большим восклицательным знаком вырисовывалось на вытянутой физиономии начальника охраны.

Власов нецензурно орал, разбрасывая бумаги по кабинету. Сексапильная секретарша пыталась привести босса в адекватное состояние посредством стакана виски со льдом.

И всё бы хорошо, без последствий, без нервных потрясений, если бы утром следующего дня финансовое здание не было бы опечатано столичной милицией в связи с ночным убийством банкира – Власова Григория Григорьевича. Смерть наступила вследствие выстрела в голову. Уголовное дело. Одной из первых улик убийства рассматривалось чернильное пятно на висевшей фотографии банкиров.

Семён Андреевич Вискоза мог заказывать себе похоронный марш. Позиция страуса в момент опасности не спасала, юрист-студент готовился явиться с повинной, чтобы рассказать о нелепом стечении обстоятельств, о злой шутке, которую сыграла с ним судьба.

Но желаемая реабилитация со стороны карающих органов не последовала по причине отсутствия заявления и заявляющего.

Деканат юридической академии счёл своим долгом уведомить студента Вискозу о задолженности. Они ставят в известность, что работа охранника не может считаться практикой, и потому Семён Андреевич направлен в государственную юридическую консультацию города Москвы на тридцать календарных дней.

«Пропавший»

На зеленом тканом фоне разбрелись причудливыми мазками белесые цветы. От частого использования аляповатый матрас приобрел комковатую поверхность. Лежать на нем было неудобно, то здесь, то там тупообразные холмики вдавливались в тело, заставляя его периодически приподниматься в поисках мягкого прилежания.

– Пора бы от него избавиться, – сонно пробурчала Лариса. – Сто лет в обед, а ты все бережешь его...

– Ты о чем? – шепотом спросила мама.

– Все о том же, в частности, об этом матрасе, в общем, о твоём муже.

– Зачем ты так? – не поддаваясь на провокацию язвительного тона дочери, Надежда Васильевна мягко возразила.

– Копишь всякую рухлядь, только пространство засоряешь, – с нарастающим раздражением ответила Лариса.

– От хороших вещей и людей пространство увеличивается и наполняется.

– То-то я смотрю, ты вся «наполненная», аж светишься. Скоро мои детсадовские платья будешь донашивать, как раз по размеру.

Мать, не желая скандала, махнула рукой и вышла на крыльцо. Вечер легким дыханием остужал летний день. Скоро придет прохлада, и можно будет повозиться в огороде – заслуженный растениями полив и влажная прополка – обычные дела дачного сезона. Надежда Васильевна, повязав веселенький платочек на голову, отправилась в грядки.

«Ничего, пройдет. Сердитая она, потому что обижена. Виктор не приехал, не позвонил – расстроена. Все пройдет, образуется. Тридцать пять лет – бабий возраст, а она еще и в девках-то не была. Выучилась, карьеру сделала, а детей и мужа нет так нет. А Витька так – приبلудный. Сегодня здесь, завтра там, сегодня с ней, завтра... бедная моя»

Следующая лейка освобождалась от воды, и мысли неспешно уплывали сквозь маленькие дырочки в потрескавшуюся почву.

«Мысли уплывают и пропадают в недрах земли, чтобы вновь появиться ранним утром в виде чистой росы на зеленом, чтобы стать влажным дыханием на солнце. Я вдохну, и новорожденные мысли снова проникнут в меня, чтобы прожить день, и с вечерним поливом вновь уйти в землю на целую ночь. Как водоворот воды в природе».

– Мам, ты опять меня не слышишь, – Лариса стояла на крыльце. – Не буду я его ждать, поеду домой. Завтра тебе позвоню, холодильник полный. Приеду через два дня. Пока.

Надежда Васильевна, закрывая ворота, с нежностью смотрела на удаляющуюся машину дочери. «Все образуется. Храни тебя Господь. Найдетя тот, кто подберет ключик к твоему сердцу». Ключик! Надежда Васильевна улыбнулась, вспоминая.

...

– Дама, вы не так ключ вставляете, и бутерброд надо есть колбасой на язык.

– У меня с сыром, – ответила женщина, убирая надкусанный хлеб в сумку.

– Все одно. Но мучного должно быть поменьше, а колбасы с сыром побольше.

– Вы есть хотите?

Мужчина, потупив взгляд, слегка кивнул, сбросив с себя нарочито бравирующий тон.

– Если можете открыть дверь, предложу обед, – Надежда Васильевна лукаво улыбнулась.

– И не боитесь? Вдруг я с дурными намерениями?

– С дурными? – она легонько отмахнулась. – С такими-то глазами...

– К сведению доверчивых дам, шарлатаны и шулера носят именно такие глаза.

– В карты я не играю, брат у меня нечего, да и возраст – не для амурных дел.

– Это вы зря. Испушенные мужчины предпочитают женщин, знающих толк и смысл в жизни.

– Зря льстите, я вас бесплатно накормлю.

Через десять минут капризный замок сдался, засопел, ослабил пружину и впустил в дом.

Иван Николаевич Бажов – сказочник по части житейских историй, пятидесяти семи лет, военный инженер с перевыполненным стажем.

– Чтобы построить мост, соединить два безутешных в одиночестве берега, необходимо человеческое сердце уговорить запеть. А чтобы забасило сердце мужчины – нужно влюбиться. Так что каждый построенный мост в моей жизни связан с образом женщины.

– Значит, каждый мост, мостик, насыпь носит имя покоренной вами женщины? – Лариса назойливо подшучивала над всеми рассуждениями нового маминного знакомого.

– Нет, Ларочка. Образ женщины не всегда был связан с конкретным именем. Образ Матери, Родины, Природы, образ Реки, например, Лены, Волги.

– А если река Иртыш, гомолюбовь вас вдохновляет?

Бажов, игнорируя едкий вопрос, продолжал:

– Жаль, не было в моей жизни любимой с надежным именем Наденька, а то бы я похвастался, что есть такой мост, посвященный Надежде, а значит, и твоей маме.

– Постройте, что вам стоит, – не унималась Лариса.

– Я строю, который месяц строю дорогу к сердцу твоей мамы. И это посложнее, чем мост.

Перепутав номер дома, он случайно оказался около ее двери и не представлял, как серьезно, как бережно отзовется в его душе негромкий мягкий голос, как откликнется его сердце на доброе приглашение симпатичной женщины. Каким счастливым и благостным будет вспоминаться ему день их первой случайной встречи на площадке верхнего этажа.

«Будет» – это в будущем, а что было прошлым в его израненной судьбе, он не хотел говорить. Часто вспоминал забавные случаи на строительстве, но ни словом, ни намеком не упоминал о личном – отпечатанном в памяти горьком опыте предательства. Собрав по кусочкам и забетонировав «разорванное» сердце, он продолжал жить оптимистично и приветливо, окрасивая в радостные тона – голос, взгляд и характер.

Впервые за три месяца их знакомства он остался ночевать. Зная способности своего организма, не робел. Но страстно, по-юношески желая её, в решающий момент спасовал и, покрываясь холодным потом, сбежал. Сгорая от стыда, не приходил, не звонил, спрятался в своем доме от неиссякаемого позора мужскому самолюбию. На следующий день она позвонила в дверь. Накормила вкусным обедом. Уложила отдыхать. Села рядом и тихонько стала нашептывать что-то нежное. Он спал, как младенец, на руках любящей женщины. Спустя месяц она согласилась выйти за него замуж.

Молодожены нежно ухаживали друг за другом, радуя мир завистливых людей домашним счастьем. Иван Николаевич преподавал в архитектурном институте и скучал по кочевой жизни. В летний период охотно возился на даче жены, благоустраивал дом, зимой часами просиживал у черной проруби, не мечтая поймать метровое рыбацье хвостовство.

Однажды обычным пасмурным вечером Надежда Васильевна не дождалась мужа с рыбалки. Бессонная ночь, вереница телефонных номеров столичных больниц, пугающие визиты по адресам знакомых и ужас потери. Сердце ныло, подсказывая, что случилось непонравимое. Выхода нет? Тревожный вопрос, пульсирующий в груди, внезапно остановил безумную гонку и придавил Надежду, засасывая в бесчувствие. Резкая боль окатила ее сердце, она упала в темноту долгого обморока.

– Вас не пустят, запрещено! Вы не понимаете? У вашей матери инфаркт аритмический. Продукты и ваш визит сейчас ей не нужны!

Медсестра захлопнула дверь бокса «Реанимация». Лариса, багровевшая от больничного климата, готова была разбить эту стеклянную преграду. Едва сдерживая ответную ругань, она выскочила на улицу и обрушилась потоком сквернословия на ожидающего её шофёра. Виктор недовольно поморщился, но перечить не стал.

Дежурный отделения милиции громко сопел, создавая обстановку непреклонности, но упорство Ларисы, подкрашенное очарованием, мольбой и темпераментом, взяло верх.

После процедуры оформления, израсходовав арсенал женского обаяния, Лариса, как выжатый цитрус, упала на сидение джипа. Загнанный внутрь стресс искал выхода. Она вдруг завывала, утыкаясь в податливую кожу авто.

– Сукин сын, я всегда говорила, что он сволочь, гнать его надо!

– Кого? – растерянно спросил Виктор, поглядывая на решетчатые окна кабинета дежурного.

– Ублюдок, мостостроитель хренов!

Подавая заявление об исчезновении Бажова, она сжималась от ревности и хотела, чтобы тело, душу и даже запах приبلудного строителя мостов никогда не нашли. Но сердце живущей в ней девочки, горячо любившей свою мать, молило, чтобы отыскали и вернули в дом целого и невредимого, иначе мама не сможет жить в покое и радости.

Когда, минуя все кордоны фирменной охраны, Семён Андреевич Вискоза появился в кабинете Ларисы, она скривила заготовленное приветливое выражение лица, воображая ехидную улыбку капитана милиции, обещавшего прислать для поиска самого смышленного и профессионального следователя по особо важным делам. Из-под фуражки на неё смотрели голубые, почти детские глаза незрелого лейтенанта.

Новоявленный юрист с дипломом и квалификацией, не найдя применения своим романтическим представлениям о судебных учреждениях, по просьбе дальнего родственника был принят сотрудником в районное отделение милиции.

– Романтики хоть отбавляй, погони, перестрелки и торжество справедливости, – напутственно внушал непосредственный начальник майор Дубов Антон Антонович, прозванный «за глаза» «Батон Батоныч» за колоритную сдобную фигуру. После ознакомления с личным составом, с инструкциями Семён готов был приступить к выполнению опасного запутанного дела под кодовым названием «Б.Б.Д.Т.и Б.».

– Бумага бумаге – друг, товарищ и брат – «Б.Б.Д.Т. и Б», понятно? – под особым секретом сообщил майор Дубов.

Полный мальчишеского энтузиазма раскрывать преступления, Семён Вискоза был допущен лишь к рутинной работе бесчисленных бумаг, которые надо подшивать в дела, копировать и беречь со всей ответственностью в соответствии с кодексом чести и морали настоящего милиционера. По окончании долгого монотонного испытательного срока Семён впервые получил «задание».

– Человеческая жизнь – это самое важное. Сохранение и нахождение потерявшейся жизни – твоя наиглавнейшая задача. Исчез ценный архитектор – Бажов Иван Николаевич. Желаю успехов, информируй меня постоянно, – Батон Батоныч одобряюще похлопал по лейтенантскому плечу.

Первый визит к родственнице пропавшего строителя мостов успехом не назовешь. Шикарная женщина неодобрительно хмыкнула, указала на дверь, отправляя Семёна в детский сад, ясли, продленную группу. Не понимая связи с дошкольными учреждениями, Семён

остался дожидаться продолжения не начавшейся беседы с разгневанной женщиной в приемной, усаживаясь в мягкое обволакивающее кресло. Через пятнадцать минут его засыпающее настроение встряхнули суровым приглашением войти.

– Значит, так, – не глядя на него отчеканила Лариса. – Времени на расспросы нет и не будет, поэтому запоминайте быстро, – она мельком взглянула на желторотого защитника, пронзила презрением и отвела взгляд.

– Бажов Иван Николаевич, муж моей матери Румянцевой Надежды Васильевны, брак зарегистрирован полгода назад, живут вместе. Ссор не было, не пьёт, рукоприкладством не занимается, подрабатывает в архитектурном институте. Бывший военный строитель, строил мосты в районах Урала, Закарпатья, Сибири. Историю его жизни до знакомства с мамой знаю с его слов. О прошлом семейном положении ничего не рассказывал, по крайней мере, мне. Веселый, трудолюбивый, пунктуальный. Мать сейчас находится в больнице в связи с его исчезновением, её не беспокоить и в палате не появляться, – строго скомандовала Лариса. – Дальше. Он должен был вернуться три дня назад, в заявлении я написала, что он отсутствует неделю, искали по всем больницам. Уехал на рыбалку и не вернулся. Рыбачит на Волге, где – не знаю. Вот адрес и ключи от дома моей матери, где они жили, и записная книжка. Вам для работы мобильный телефон, в конце следствия все это вернёте. Еще номер телефона водителя Виктора, ему можно звонить круглосуточно. Мне звонить только в крайних случаях, – Лариса приподнялась над столом и, перегнувшись, задышала прямо в лицо оторопевшего лейтенанта.

– Вы найдете его в кратчайшие сроки без суеты, ненужного афиширования и лени, чем очень поможете мне и себе. Мне – спокойно спать, себе – получить приличный гонорар.

Семён вышел, пошатываясь, ощущая на своем лице сладковатый запах её аромата. Первым делом надо отдышаться, выстроить мысли в последовательный ряд.

– Что мне известно? Сначала надо выяснить, где зарегистрирован пропавший, обзвонить знакомых, определить, когда и с кем он уехал на рыбалку, а может быть, и не уезжал.

Спустя час в дежурном блокноте красовался аккуратно написанный план дальнейших действий.

Версия «А»:

1. Б.И.Н. (Бажов Иван Николаевич) никуда не уезжал, а «ушел» с друзьями «в запой». Еще раз обзвонить больницы, проверить морги и вырезвители.

2. Сбор сведений о характере БИНа по месту работы.

3. Посетить квартиру, где жил БИН.

Версия «Б»:

1. БИН уехал на рыбалку, с кем, когда, куда конкретно. Выяснить пристрастия и традиции его рыбалки у знакомых, друзей, сослуживцев.

2. Причина отсутствия: поссорился с женой, заболел на рыбалке и попал в местную больницу. Были ли катастрофы на железных дорогах?

3. Посетить квартиру, где жил БИН.

Версия «В»:

1. Скрылся, совершив какое-нибудь преступление?

2. Был ли осужден, за что, где сидел, с кем общался.

3. У него есть другая семья, брачный аферист.

4. Посетить квартиру, где жил БИН.

Последние пункты во всех предположительных версиях совпадали. Семён отправился на квартиру, хранившую секреты жизнедеятельности пропавшего.

Вибрирующий звонок мобильного телефона непривычно щекотал, конвульсируя в кармане.

– Где вы сейчас? – из трубки будто потянуло незабываемым сладким ароматом.

– Я в квартире вашей мамы, собирался обзванивать знакомых и тактично расспросить об Иване Николае...

Не дослушав его объяснений, Лариса командовала:

– Срочно в больницу на такси, я оплачу, пятьдесят третья, палата двадцать первая, там находится моя мать.

Живой и невредимый Иван Николаевич Бажов предстал перед глазами сникшей жены с большим извинительным букетом. Подчеркнутая аккуратность в одежде, вопрошающая милосердия поза, затуманенный слезою измученный взгляд получили безоговорочное прощение Надежды Васильевны. Внезапная пропажа Ивана Николаевича объяснилась неловким недоразумением и неосмотрительностью. Он выпил лишнего на злосчастной рыбалке, и, как следствие, получил отравление. Организм не подчинялся и требовал четырехдневного постельного режима, который заботливо подарил хозяин тёплой сторожки на тупике железной дороги.

Обрадованный счастливому спасению мистера БИНа, Семён в душе немного огорчился, что случай не предоставил ему возможность проявить сыскное умение и логику. Будучи по натуре добродушным, он мысленно возвратил воображаемый конверт вкусно пахнущей строгой бизнес-вумен.

Первое дело оказалось само собой завершённым. Семён вернулся на поприще бумажной отчетности.

«Исчезнувший снова»

- Где ходишь, третий раз тебя требуют!
- Вискоза слушает.
- Я надеюсь, вы меня помните. Вечером свободны?
- В обонянии Семёны всколыхнулся сладковатый аромат.
- Свободен...

– Пропал во второй раз, – без предисловий произнесла Лариса, как только Семён переступил порог кабинета.

Он выдержал паузу и вопроса «Кто?» впопыхах не задал.

– Вы не тупой. Если бы спросили «Кто?», я бы вас выставила... Благодарность в эквиваленте. Но заниматься расследованием и неясным прошлым мужа моей матери будете неофициально. Если «да», то присаживайтесь.

Семён, несколько помедлив, несогласованно с разумом приземлился на рядом стоящий стул. Слушая историю знакомства её мамы, Семён первые несколько секунд в буквальном смысле ничего не слышал, потому что с ужасом осознавал, что неофициальное раскрытие каких-либо сомнительных дел грозит ему, по меньшей мере, строгим выговором, а по крупному – изгнанием из рядов стражей порядка. Но прохладный бокал с коктейлем, оказавшийся в руке непонятным образом, и обольстительно-оголённые ноги бизнес-леди постепенно заменили одно обморочное состояние на другое – ему льстило, что подобная недоступная женщина нуждается в его помощи.

– Мама не знает о пропаже, уехала к сестре в Питер. А Бажов на следующий день бесследно исчез. В институте нет, дома тоже.

Семёна пригласили в красивую квартиру под предлогом детального ознакомления с фотоальбомами. Испытывая робость и восторг перед хозяйкой, он второй час учился пить текилу, выполняя забавный ритуал распития. Вскоре он стал слизывать соль с руки Ларисы, чем забавлял и возбуждал её. Внезапно она вскочила с дивана, стянула с себя пушистый свитер и бросила в Семёна. Свитер долетел и замер на голове подпитого неофициального следователя.

Освободившись из пут шерстяного облака, он открыл глаза и замер от восторга и жадности лицезреть бесконечно. Его взору предстала обнажённая Венера. Восторженный воздох внутри лёгких в мгновение сжался, превращаясь в твёрдое, мешающее свободно дышать, и с нарастающей силой снежного кома полетел вниз до уровня прикасания его брючной молнии, где остановился, пытаясь высвободиться из пут стесняющей одежды...

Он проснулся в постели взрослой женщины впервые. Юношеские попытки изгнания мужской девственности заканчивались нелепым смущением и слабой брезгливостью в женском общежитии, в которое его иногда приводил школьный друг, не желавший оставаться в стороне от сексуальных пробелов Семёна. Сегодня его мужское самолюбие было незабываемо обласкано. Первенство настоящей женщины по праву принадлежало Ларисе.

Хозяйка вышла из ванной в распахнутом лёгком халатике. Уловив его пристальный взгляд, устремлённый в неприкрытую часть её тела, игриво спросила:

– Повторим?

Проглатывая неуверенность, Семён замер.

– Не пугайся, я пошутила. Делу время, потехе... Тебе пора. Повторный сеанс терапии продолжим на следующей неделе. Меня не будет в городе, а ты приступаешь к принятым на себя обязательствам. Если мистер БИН, мне понравилось, как ты его назвал, объявится

сам, ты должен выяснить, откуда он возник в жизни моей матери и куда инкогнито исчезает. Если твоё расследование меня так же удовлетворит, как эта ночь, то в твоём наградном списке появится вполне приличная машинка дружественной страны, спишу с баланса фирмы.

«Попутчик»

Исходя из данных ксерокопии свидетельства о рождении мистера БИНа, Семёну предстояло ехать в село Нерменка Воронежской области. Первичный план действий, как карандашный набросок художника, покоился на бумаге, ожидая начала.

«Как быть со временем?! Взять больничный?»

Решение тягучего вопроса о высвобождении часов пришло само собой. Точнее сказать, оно выплыло из уст майора Дубова.

– В наш отдел направлен десант розыскников из Нижнего. Куда разместить их в дневное время суток, пока не знаю.

Минут через десять лоснящееся лицо Батон Батоныча расплылось в довольной улыбке. С лёгкой подачи Семёна, молодые сыщики, прибывающие с целью захвата столичного опыта поимки преступников, будут распределены на площадь в размере десяти квадратных метров, которую занимал Вискоза С. А.

Дубов вынес решение о трехдневном отпуске Семена «по семейным обстоятельствам» и потому «без сохранения заработной платы».

Условно освобождённый, с запасом неохваченного времени Сеня направлял свою лёгкую походку в сторону железнодорожных касс. Купленный билет до города Воронежа предлагал уютное нижнее место. Тем более, что Лариса оказалась щедра на командировочные расходы.

Семён в очереди прибывших вышел на перрон. Прохладный воздух приятно освежал перегретые лёгкие.

В городском совете в книге регистрации деревень и посёлков село «Нерменка» не значилось. Пропутешествовав по карте данной местности безрезультатно, поникший Семён возвращался в Москву. Поездка считалась бессодержательной и ошибочной. К приготовленным вопросам прибавились нерешаемые.

В здании вокзала города Воронежа было немногочисленно. Семён водрузил сумку на колени и, крепко обняв её, решил вздремнуть в ожидании объявления на Москву. Извинительное, но настойчивое покашливание нарушило его сонное состояние.

– Прошу прощения, вы до Москвы? – старичок—лесовичок, улыбаясь в усы, приветливо заглядывал в глаза. – И сами-то из столицы будете? Скажите... там ворья много?

– Как везде.

– Не скажите, у нас в Кукушках, деревня такая, двери не запираем, палочку приставим, когда из дому-то уйдёшь. И всё в порядке, когда воротишься.

Деревенский житель развёрнуто, со всеми подробностями начал повествовать о прошлой жизни после войны. Мягкий голос рассказчика погружал в душевное равновесие и неспешность мыслей.

Объявление по радио разрешило занимать места согласно купленным возможностям. Плацкартное боковое, против движения, около туалета – неудобное расположение места расстраивало меньше, чем пустота в голове и в бланке отчётности для Ларисы.

– Опять здравствуйте, – голос лесовичка вновь прервал размышления. – Хорошо, юноша, что мы соседи. У меня к чаю есть оладушки из тыквы, старуха напекла, угощаю вас.

Семён, наполняясь третьим стаканом чая, с удовольствием вгрызался в золотистую мякоть душистых оладьев. Старичок, Муромов Алексей Алексеич, негромко посвящал понравившегося соседа в яркие воспоминания своей долгой жизни.

– Мне уж восемьдесят пять, а на память не жалею, потому водку никогда не подносил... помногу. Хочу я тебе, Сеня, ещё одну историю рассказать... Была у меня зазноба, красивая, аж до сих пор коленки трясутся, как вспомню. Влюбился по уши, старуха моя про всё

ведала, но вида не показывала, не скандалила, потому-то не ушёл от неё... А Елена, красавица-то зазноба, пуще горькой редьки привязала. Когда надкусишь-то редьку, кажется сладкой, а потом аж слёзы выскочат, горечь какая. Вот и она поманит, одарит лаской, потом остервётся и прогонит... Зарекался не ходить больше, а позовёт – со всех ног бежал до ейной деревни. Ведьма. Два года к ней тайком бегал. И не забуду по сей день. Стыдно было, у меня старшему-то уж двадцать лет было. То Ленка не дура была, она помимо меня ещё хвостом крутила. Раньше меня поняла, что из дому-то я не уйду. Молодая, озорная, на любовь охочая... Потом Ленка исчезла с заезжим из Ленинграда... Наши деревни совсем рядом стояли, друг напротив дружки... Дорога промеж деревень была... раньше деревни-то наши постоянными дворами при Петре Первом славились... Потом Ленка вернулась ни с чем... и опять за старое. А мать-то Ленкина всё переживала, да ещё и муж-то ейный тоже кобелёк был, досталось-то бабе... Одна радость-то была – младшая дочка, разница между сёстрами уж больно большая была. Девочка-то была приветливая, заботливая, добрее в округе разве что жена моя, а больше и не было. Жаль, имени не помню девоньки той. Уж как деревня переживала, что младшая-то по стопам Ленки пойдёт. Но к ней, к малой-то, никакая грязь не приставала. Так и жили они, мать да младшая – всё больше по дому, по хозяйству, отец да Ленка – на гулянках.

А когда мать-то их померла, папашу кто-то прибрал, Ленка снова пропала, а младшую как сейчас помню. Стоит одна у могилки, девять дней поминальных, мы с женой пришли, чем помочь. Она на ветру раскраснелась, на щёчках румянец... она всегда румяная-то была... да и фамилия – Румянцевы они и были – Елена да мать их, Лариса Ивановна, а младшую не вспомню, как звали..

Семён встрепенулся и нервно заулыбался:

– Как называется их деревня?

– Кукушки. Кукушки один да Кукушки два – старинное название... при советской власти «Заветы Ильича» были, а тепереча всё переименовывают по-старому.

Взбудораженный, не веривший в подобные совпадения, Вискоза готов был плясать от мысли, пришедшей в голову.

«Я не смог найти ни села Нерменка, ни следов рождения мистера БИНа, потому что в данной местности населённый пункт с таким названием не значит, потому что был переименован».

Семен мысленно выругался на сотрудницу облсовета за нерадивое отношение к своим обязанностям. Она должна была проинформировать обо всех изменениях в названии нужного села.

Но досада быстро улетучилась из головы, потому что теперь он непременно найдет место рождения Бажова.

«Ай, да старичок Муромов, занятая история. Вот вам, Лариса, и Юрьев день».

«Жду тебя завтра в Питере, подробности у водителя» – рифмованное сообщение Ларисы приятно согрело.

«Знакомство»

За несколько часов в мягком удобном кресле чёрного «Мерседеса» Семён, как венецианская ваза, был доставлен к ногам прекрасной Венеры. Без ожидаемых восторженных эмоций, подобие которых испытывал Семён, она сухо поприветствовала и перешла к сущности задания:

– Сегодня я забираю маму. Мы на пару дней отправимся в Петергоф. Ты остаёшься здесь, выуживаешь любую информацию у старшей сестры моей мамы о мистере БИНе, моя мать точно рассказывала о нём. Старухе можешь сказать, что ты мой... сын, – Лариса скептически улыбнулась. – Сколько тебе полных лет?

– Двадцать четыре.

– Не пойдёт, не могла же я родить тебя в двенадцать.

– А сестра мамы не посвящена в подробности вашей семьи? – осторожно спросил Семён.

– Запутанная история... они, как сестры, стали общаться недавно, несколько лет. Моя мать, сколько себя помню, писала этой тётке, но эта особа снизошла до ответа, когда ей к семидесяти подкатило. Одинокая старая ведьма.

Вспоминая первую ночь с Ларисой, Семён запомнил, как менялась холодность её лица, превращаясь в милую детскую мордашку, если собеседник в силах был чем-то удивить её. Предвкушая вновь увидеть игривое выражение, притормаживая волнение, он рассказал занимательную историю жизни её бабушки Румянцевой Ларисы Ивановны, в честь которой была названа пленительная Венера, и двух сестёр Елены и Надежды. С каждым его предложением изящные брови недоступной вумен забавно поднимались, губы складывались в пухлую точку и нежно приоткрывались. Семен, затаив дыхание, жадным взглядом наблюдал, как черты ее лица оживали, молодели, наполняясь возбуждением.

– Хочу тебя, – выдохнула распахнутая Лариса, втаскивая его на заднее сидение своей машины.

Вечером этого упоительного и утомительного дня Семён нанес свой визит Елене Васильевне Румянцевой. После долгого звонка он услышал сквозь закрытую обветшалую дверь шаркающие шаги.

– Чего надо?

– Елена Васильевна, откройте, у меня к вам дело.

– А мне нет дела до вашего дела, пошли вон.

Неприветливая старуха всё же не уходила. Семён заблаговременно подготовил коронную фразу, по его мнению, не способную удержать дверь закрытой.

– Я внук Алексея Алексеевича Муромова из деревни Кукушки.

Долгая, томительная пауза, и замок лязгнул. Пожилая тучная женщина мало приятной наружности с палкой в одной руке и ремнём в другой исподлобья пронизывала фигуру Семёна.

Через час, допивая принесённую бутылку вина, под нехитрую закуску придуманной легенды о старом дедушке Лексей Лексеече (старичок-лесовичок), молодой лжевнук дипломатично предоставил воспоминаниям Елены Васильевны плыть в слегка корректируемом его вопросами направлении. Пустая бутылка перекочевала под стол, а хозяйка с громким звуком сползла со стула на диван. Сквозь прибывающий сон она продолжала шокировать Семёна:

– Если усну, ты не спи... следи... я как пьяная, захлебнуться боюсь, кровь горлом пойдёт, так ты меня на бок переверни, отхаркаюсь... и поживу ещё годок... Сестрица моя Надька, так она дура... у неё всё по правилам, по порядку. Училась... замуж вышла за москвича, дочь родила, квартиру от завода получила. Она вот только утром была... спрашиваю, зачем ты первого мужа-то выгнала, наверное, на папашу нашего похож был? А она гордо так – нет, просто

развелись... Я знаю это «просто», после развода сразу в ЗАГС побежал с молодой... Все вы кобели! Спать бы подольше да жрать почаще... А дед-то твой всё такой же красавец, хотя куда ему, всегда за бабью юбку держался... Я уж не помню лица его, карточки с собой не привёз?... Ну и хрен с тобой...

– А как вы в Питер попали? Дед рассказывал, что внезапно исчезли из села...

– Это для тебя Питер, а для меня Ленинград, мать вашу... Надька к себе звала, не хочу... До толчка сама дойду. А помереть хочу здесь, где кобель мой похоронен... Как узнала, что он отсюда, уж больно город этот люблю, так сломя голову понеслась за ним. Сволочь, увёз, горы золотые обещал... через год бросил с дитём... помер, как шавка подзаборная, в драке прирезали... Скоро встретимся, все там будем...

– А с ребёнком что?

Елена Васильевна, приподняв голову, рявкнула:

– Чего рану бередишь! Чего жилы тащишь? Ох, какво Надьке будет, когда узнает, кто муж-то... Лексеич, небось, как у Христа за пазухой, обласканный да пригретый, народил хамов в душу лезть... Пошёл вон, сучонок!

Нащупав пустую бутылку, рассвирепевшая женщина бросила её в закрывающуюся за Семёном дверь. Вопрос о секретных сторонах жизни Бажова оставался открытым. В запасе у Семёна был еще один день.

«Ничего, алкоголь к утру выветрится, старушка помягчает, авось поведаст что-нибудь о мистере БИНЕ».

В десять утра следующего дня Семён в квартиру Елены Васильевны не попал. Словоохотливые соседи с опытом понятых сообщили, что ночью пожилая женщина скончалась. Предположительная причина – удушье, без признаков насильственной смерти.

Раздавленный собственной совестью Семён набирал мобильный номер Ларисы трясущимися руками. Он неторопливо повторил сведения соседей по факту смерти и прервал разговор. Желая быть изгнанным за допущенное попустительство, Вискоза собрал дорожную сумку для возвращения в Москву.

Невероятным чутьём Лариса вычислила его на вокзале, и, как провинившегося школьника, наказывая молчаливым презрением, доставила до своего номера в отеле. Стянув с покорного Семёна одежду, она резкими движениями затолкала его в наполненную ванну, и, приводя в чувства, едва не утопила, приговаривая:

– Ты будешь у меня настоящим опером, а не сопливой девкой! Ты будешь работать с уродливыми свидетелями с удовольствием, ты перестанешь бояться смерти...

Когда Семён начал сопротивляться, она отпустила его, заставила выпить нарядные таблетки и уложила в кровать. Закурив сигарету, она откинулась в кресле и уставилась немигающим взглядом на мокрого мальчишку.

Спотыкаясь в словах, Семён рассказал подробности вечернего разговора с Еленой Васильевной. Не чувствуя поддержки со стороны Ларисы, он вдруг решил поведать о своём «соучастии» в заказном убийстве банкира Власова, у которого в студенческую неделю пытался отработать практику. Последним видением, посетившим засыпающую голову Семёна, была добрая, материнская улыбка Ларисы. Глаза горе-сыщика слипались, затягивая в тёмную бездну лекарственного сна.

«Наследство»

Лариса убедила маму не посвящать Бажова в сложные отношения с родственницей, и после скоропостижных похорон все вернулись в Москву. Как и положено хорошему мужу, Иван Николаевич Бажов с приготовленным обедом встречал жену. Его недельное отсутствие осталось для неё незамеченным.

– Ничего не хочу знать о нём, потому расследование, Семён, можешь свернуть и выбросить на помойку, – шёпотом «отрезала» Лариса по телефону, наблюдая заискивающие порхания мистера БИНа перед матерью. – Усилия компенсирую компьютером.

Сотрудничество со сладкой и строптивой вумен возобновилось благодаря заказному письму со штемпелем государственного нотариуса спустя шесть месяцев, положенных для завещания.

– Ты вспоминал обо мне, смазливая мордашка?

Притянув Семёно лицо, она продолжительно поцеловала в губы, напоследок чуть прикусив кусочек кожи. Семёна удивляла смена настроений и желаний Ларисы, когда феминистская холодность вдруг сменялась рабским подлизыванием.

Содержание письма гласило, что имущество покойной Елены Васильевны Румянцевой, а именно, личный архив и единственная картина с видом одинокой брошенной лодки принадлежат по завещанию младшей сестре Надежде Васильевне, а недвижимое имущество – детскому дому на Васильевском острове.

Иван Николаевич вызвался следовать вместе с женой. Навязанный Ларисой другой сопровождающий, командированный Вискоза Семён Андреевич, был представлен сотрудником юридического отдела компании «Лар и Ко».

Бажов заметно нервничал, переступая порог питерской нотариальной конторы. После необходимых процедур Надежде Васильевне была выдана опечатанная коробка и упакованный холст неизвестного художника. Надежда была удивлена рассказу нотариуса о заветном желании сестры передать квартиру именно детскому дому на Васильевском.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.